

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Ερως в гносеологии божественного у Дионисия Ареопагита
Зборовская Ксения Борисовна

Студент

*Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский
факультет, Киев, Украина
E-mail: ok777angels@ukr.net*

Русский философ-богослов П.Флоренский в одном из своих трудов отметил, что греческий язык различает четыре направления в любви: стремительный *έρως* как чувственную любовь, страсть; нежную, органическую *στοργή* – родовую любовь, привязанность; суховатую, рассудочную *αγάπη* – любовь оценки, уважение; задушевную, искреннюю *φιλία* – любовь внутреннего признания, личного прозрения, дружбу. А.Гейлинкас пополнил этот список ещё и пятым видом любви – *amor spiritualis*, которую он охарактеризовал как пассивную любовь бесплотного существа, любовную страсть чистого духа. Согласно общепринятой традиции, естественной почвой для христианского богопознания стали *φιλία* (как личное отношение) и *αγάπη* (в качестве вселенской, абсолютной любви). Однако и такой – казалось бы, неприемлемый в этой области (и не встречающийся в книгах Нового Завета) – глагол для обозначения любви, как *έρως*, тоже «вписался» в подвижнические труды. Отцы-мистики – Григорий Нисский, Николай Кавасила, Симеон Новый Богослов и др. – используют его, когда речь идёт о высшей (одухотворённой) любви к Богу, о стремлении к Нему человеческой души. В частности, у Симеона Нового Богослова есть даже сочинение о любви к Богу с заглавием «*Ερωτες*» («Эросы»).

Подобная тенденция прослеживается и в одном из наиболее значительных трактатов Дионисия Ареопагита «О мистическом богословии», в котором он попытался «проложить путь» к единению человека с Богом. «Мистическое богословие Дионисия – не интеллектуальная процедура, а нечто большее, чем простое умствование. Как у экстаиков-платоников, как у Плотина, здесь необходимо внутреннее очищение, «катарсис», которое есть отказ от приятия тварного бытия как такового, поскольку оно скрывает «не-бытие» Божества, есть выступление из области тварного, сразу за которым следует обожение. Но Псевдо-Дионисий говорит об экстазе и соединении, имея ввиду мистический опыт, восхождение к Богу, показывая, что даже поднявшись на высочайшие вершины, доступные тварным существам, Бог остается непознаваемым» [4; С. 118].

Для Дионисия Ареопагита экстаз – это «выход из себя» для встречи с Богом. Идея экстаза тесно связана с идеей любви-эроса, – таким стремлением человека к богопознанию, которое охватывает всё его естество. « Эрос невозможно держать при себе, он всегда вырывается наружу и направлен на кого-то другого. Так же и душа, вдохновленная любовью к Богу, «выходит из себя» и устремляется к недостижимому объекту своего желания – движение, представляемое Псевдо-Дионисием как постоянное и бесконечное приближение к Богу, бытие которого неисчерпаемо» [4; С. 290]. Сам Дионисий так говорит о любовном (эротическом) влечении к Богу и Красоте (сознательно отождествляя, как считает С.Н. Булгаков, *αγάπη* и *έρως*): "Божественный эрос блага, благой, существует через благо. Сам эрос сущего, благотворящий, прегосподствует в благе преизбыточно"[de d. п., IV, 7, с. 704]; "Божественная любовь выражается в экс-

тазе, любящие не принадлежат самим себе, но любимым" ("Ἔστι δὲ καὶ ἐκστατικὸς ὁ θεῖος ἔρωσ, οὐκ ἔνν τους εἶναι εαυτῶν ἐραστὰς, ἀλλὰ των ἐρωμένων) [de d. п., IV, 13, с. 712]. «На крыльях эроса, в порыве экстаза совершается богопричастие и богопознание, — на удивление смелая мысль авторитетного церковного писателя. — Таково основание эротической гносеологии Дионисия» [1; С. 318].

И всё-таки, почему мыслитель избрал именно это значение — *ἔρωσ*, чтобы обозначить то восхождение к божественной сущности, для которого другие богословы чаще всего используют глагол *ἀγάπη*? *ῥωσ* в своём этимологическом срезе имеет чётко обозначенную направленность: страсть, страстное желание, горячее влечение, непреодолимая любовь, в то время как *ἀγάπη* представляется менее «агрессивным». Его объект восхваляется и превозносится скорее на расстоянии, в отличие от объекта *ῥωс*, который полностью выражает свою сущность лишь соединяясь с субъектом. Наверное, именно этим и можно объяснить столь радикальный выбор Ареопагита: его мистический путь восхождения к Богу, конечной целью которого является «обожение», — высшая степень «слияния» человека с Богом во всепоглощающей любви (поскольку Дионисий употребляет именно *ἔρωс*, то в украинском языке целесообразно употребить глагол любви «коханья», а не «любов», как выражение более страстного, индивидуального единения).

В «Мистическом богословии» Дионисий Ареопагит призывает к «мистическому созерцанию»: только отказавшись от самого себя и от всего сущего, человек может сподобиться созерцания мистических видений. У него появляется возможность «воспарить к сверхъестественному сиянию Божественного Мрака» [3; С. 5]. «Божественный Мрак» — это тот непреступный Свет, в котором пребывает Бог: «Пути Его — неисповедимы, суждения — непостижимы, а мир Его — превосходит всякое разумение» [3; С. 12]. Путь восхождения состоит из трёх стадий: очищения — «катарсиса», т.е. освобождения от всего (и чистого, и нечистого); достижения наибольших вершин святости — просвещения «Божественным Светом» — «иллюминации», и лишь после этого — проникновения в тот Мрак, в котором пребывает Бог, — «теосис» — «обожение». Если все эти уровни познания Бога, сближения с Ним рассматривать как постижение Божественного Ничто посредством символов мира, то мы можем выделить в них ещё и подуровни, которые дадут нам более глубокое понимание Бога как Мета-символа: (1) метапрочтение символа; умственная аскеза; абстрагирование от вещественного; (2) божественное откровение; бездна «смыслов»; (3) онтологическая бездна премудрости. Именно в двух последних пунктах *ἔρωс* может целостно объять сущность человека, вознося его очищенную личность в непреодолимой любви к Богу, где снимается всякое противопоставление Творца и тварного.

При этом, «обожение» не означает полного слияния или растворения человека в Боге: человек не теряет своего личностного начала, а Бог никогда не будет полностью постигнут. Поэтому мы можем познавать Бога, однако познать Его мы так никогда и не сможем. Глубинное постижение Творца происходит не на умственно-рассудочном уровне, а на более высоком — духовном. Полученные знания уже не являются собственно человеческими, они — божественны, потому что лишь тем, «кто любит Бога, дастся знание от Него» [2; С. 72]: «Наиболее божественное познание Бога мы обретаем, познавая Его неведением в превосходящем разум единении, когда наш ум, отрешившись от всего существующего и затем, оставив самого себя, соединяется с пресветлыми лучами

и оттуда, с того света, осеивается неизведанной бездной премудрости.» [3; С. 21].

Литература

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994.
2. Бычков В. В. Идеал любви христианско-византийского мира // Философия любви. М., 1990.
3. Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991
4. Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991.
5. Мейендорф Иоанн (Протоиерей). Введение в Святоотеческое богословие. М., 1992.

Слова благодарности

Благодарю Бога за то, что дал мне творческие силы для написания этой работы.